

A detailed scene of a study desk. In the foreground, a quill pen stands in a small, dark glass inkwell. To its right, a magnifying glass with a green lens and a dark handle lies on the desk. A piece of parchment or paper with a circular wax seal is also visible. In the background, a large window offers a view of a city street with a river, a bridge, and historic buildings, including one with a prominent dome, under a soft, hazy sky.

Владимир Кожедеев

**Петербургская тайна
надворного советника**

Владимир Кожедеев
Петербургская тайна
надворного советника
Серия «Исторические
детективы», книга 16

*<https://litres.ru/73851559>
SelfPub; 2026*

Аннотация

Сентябрь 1892 года. Петербургский сыщик Лев Арсеньевич Гринев, уже имеющий репутацию «гробаря» — того, кто роет могилы чужим тайнам, — получает дело о поддельных векселях на сто двадцать тысяч рублей. Документы безупречны, купцы клянутся, что ничего не подписывали. Помощь приходит от старого друга, химика Эдуарда Линца: чернила на векселях появились в продаже только в 1891 году, а сами бумаги датированы 1889-м.

Но едва улика найдена, начинается настоящая война. Шантаж, обыски, ложные доносы, поджог лаборатории. У Гринева есть три дня, чтобы раскрыть заговор, спасти друга от каторги и не потерять мундир. А за всем этим стоит человек, которого нельзя тронуть — тайный советник, приближённый ко двору.

Основано на реальных материалах сыскной полиции конца XIX века. Впервые публикуются секретные записки Э.Ф. Линца и загадочный конверт, вскрытый через 50 лет после смерти сыщика.

Содержание

Глава 1. Начало истории.	5
Глава 2. Решение проблемы, помощь друга и шантаж.	21
Глава 3. Возникшие проблемы и новый план.	39
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Владимир Кожедеев

Петербургская тайна

надворного советника

Глава 1. Начало истории.

Сыскная полиция Санкт-Петербурга в начале 1890-х годов представляла собой печальное зрелище. Расположенная в облезлом особняке на Офицерской улице, она больше напоминала захолустную контору, нежели учреждение, призванное бороться с преступностью в столице величайшей империи.

Кабинеты были тесны, окна глядели мутными стёклами на грязный двор, где вечно возились дворники с лопатами, а воздух в коридорах пропах кислыми щами и махоркой — примета того, что нижние чины ночевали прямо на дежурных нарах. Бумаги громоздились в шкафах, которые не открывали годами, регистрация велась по старинке, а большинство надзирателей считали сыск ремеслом, требующим лишь кулаков да умения отличать пьяного забулдыгу от трезвого обывателя.

В этой-то атмосфере уныния и застоя и появился надворный советник Лев Арсеньевич Гринев.

Случилось это в мае 1891 года. Начальник сыскной полиции, полковник Терентий Игнатьевич Барабанов, человек грузный, с багровым лицом завзятого любителя расстегаев, получил из департамента полиции предписание: принять на службу «особу, командированную для усовершенствования методов дознания». Барабанов скривился, как от зубной боли. Особу он не жаловал. Особу он ненавидел авансом.

Гринев вошёл в кабинет без стука — первое, что раздражило полковника. Он был высок, сутуловат, с острыми скулами и глубоко посаженными серыми глазами, которые смотрели с той пристальной холодностью, от которой подчинённые Барабанова невольно ёжились. Мундир сидел на нём мешковато, не по фигуре — словно он его не надевал, а взял напрокат у старшего брата. На левой руке не хватало указательного пальца — след от пули на Кавказе, где Гринев служил военным юристом и попал под обстрел абреков.

— Надворный советник Гринев, — представился он. Голос был тихим, даже вкрадчивым, но каким-то таким, от которого хотелось невольно прислушаться.

Барабанов крякнул, указал на стул и принялся объяснять порядки: «У нас, батенька, не академия. Тут нюх нужен. Глазомер. Быстрота. И главное — чтобы начальство не дёргалось». Гринев слушал, глядя куда-то мимо полковника — на портрет Александра III на стене, на чернильницу с отбитым краем, на пятно от пролитого кофе на сукне стола.

— Что скажете? — спросил Барабанов, закончив монолог.

— Скажу, Терентий Игнатьевич, что у вас в кабинете третий день стоит просроченная посылка с ватрушками, — ответил Гринев. — Вон, в углу, за шкафом. Запах кислого теста перебивает даже аромат вашей сигары, хотя сигара превосходная — «Бразилия» номер три, если я не ошибаюсь.

Полковник побагровел ещё больше. Посылку действительно прислала тёща три дня назад, и он велел сунуть её куда подальше, так как ватрушки оказались чёрствыми. Но откуда об этом мог знать новичок?

— Вы, сударь, либо ясновидящий, либо нахал, — буркнул Барабанов.

— Ни то, ни другое. Просто вижу, что из-под шкафа торчит угол газеты «Петербургский листок» от позавчера, а на газете — масляное пятно. Ваш письмоводитель, когда толкал посылку ногой, задел и сдвинул бумаги. Масло свежее, не засохшее — значит, недавно. И я слышал, как вы сказали своему вестовому: «И чего она мне эти ватрушки шлёт? Не тётка — засылала». Вы сказали это полчаса назад, когда я ждал в приёмной.

Барабанов замолчал. Помолчал. Потом расхохотался — густо, со свистом, до слёз.

— Ах ты, иезуит! — воскликнул он, хлопая ладонью по столу. — Ну ладно. Посмотрим, что ты за сыщик, голова садовая. Завтра получишь первое дело.

Первое дело не заставило себя ждать.

На следующее утро, едва Гринев переступил порог управ-

ления, как его перехватил дежурный околоточный надзиратель Макаров — низенький, юркий человечек с лицом хоряка и вечно мокрыми усами.

— Лев Арсеньевич, там такое! У графа Шереметева, что на Фонтанке, табакерка пропала. Полковник велели вам — вы, мол, ясновидящий, вот и покажите чудеса. А если не раскроете — увольнение под расписку, понял?

Гринев не ответил. Он, молча надел шинель, проверил, на месте ли записная книжка и карандаш, и вышел на улицу. Дождь моросил с утра, как водится в Петербурге, мостовые блестели, извозчики ругались, а где-то над крышами тянул фабричный дым — обычный петербургский день.

Дворец графа Сергея Дмитриевича Шереметева на набережной Фонтанки, 34, был одним из тех особняков, которые внушают трепет не столько величиной, сколько родословной. Шереметевы — не чета каким-нибудь нуворишам, их предки водили дружбу с царями. Сам граф, мужчина лет пятидесяти, с бакенбардами а-ля Александр II, встретил Гринева в прихожей с видом оскорблённого достоинства.

— Молодой человек, — начал он, брезгливо разглядывая мокрые сапоги сыщика, — я надеюсь, вы понимаете щекотливость ситуации. Табакерка — подарок покойного государя императора Николая Павловича моему деду. Золотая, с бриллиантовой монограммой. Она лежала в кабинете, на столе, рядом с чернильным прибором. Вчера вечером я ужинал у тёщи, вернулся в одиннадцать — и вот, пропала.

— Кто имел доступ? — спросил Гринев, обводя взглядом прихожую. Взгляд его упал на вешалку — дорогие шубы, три зонтика с костяными ручками, две калоши (одна лакированная, другая простая, резиновая — странное несоответствие). Пахло духами «Вербена», мокрой шерстью и ещё чем-то — дёгтем, что ли?

— Прислуга, разумеется. Дворецкий Тихон, камердинер Фёдор, лакеи Иван и Николай, горничные — две девицы, кухарка. Но я ручаюсь за каждого. У меня все проверены, с аттестатами.

Гринев кивнул и попросил провести его в кабинет. Кабинет был огромен — книжные шкафы до потолка, тяжёлые портьеры, письменный стол красного дерева, на нём — чернильница из малахита, пресс-папье в виде орла, а в центре — пустое место, где явно что-то лежало. Гринев опустился на колени, изучил пол под столом, заглянул под ковёр.

— Кто убирался сегодня утром? — спросил он.

— Горничная Дуняша. Но она ничего не трогала, только пыль вытерла. Я ей строжайше приказал.

— Позовите её.

Вошедшая Дуняша — круглолицая девушка в накрахмаленном переднике — тряслась от страха. Гринев спросил её о пустяках — как зовут, откуда родом, любит ли чай с вареньем или с сахаром. Девушка отвечала сбивчиво, но когда Гринев спросил, поливала ли она фикус в углу, она удивилась:

— Какой фикус? В кабинете нет никакого фикуса, барин. Фикус в гостиной стоит, у рояля.

— Вот как? — Гринев подошёл к углу, где у самого подоконника стояло большое кашпо. Внутри действительно был фикус — здоровый, с мясистыми листьями. — А это что, по-вашему?

Дуняша заморгала. Граф тоже подошёл, нахмурился.

— Это? Я не помню, чтобы здесь стоял фикус. Тихон! Тихона сюда!

Дворецкий Тихон, мужчина с бакенбардами почище графских, оказался столь же недоумевающим. Фикус, по его словам, всегда стоял в гостиной. Кто и зачем переставил его в кабинет — загадка.

Гринев опустился на корточки перед кашпо. Внутри, среди влажной земли, лежал окурок. Он вытащил его пинцетом — папироса была дешёвой, из серой бумаги, с косо срезанным концом, надпись на мундштуке гласила: «Беломор». Но самое интересное — окурок был не один. Рядом, присыпанный землёй, лежал второй, точно такой же.

— Граф, вы курите сигары, я вижу по пепельнице. А ваши лакеи?

— Лакеям выдаётся табак из барских запасов. «Бостон», хороший табак. «Беломор» — это дрянь, для извозчиков, для дворников.

— Или для отставных унтеров, — тихо сказал Гринев. — У вас в доме служит отставной военный?

Граф задумался. Тихон встрепенулся.

— Так чистильщик сапог! Михей, фамилии не знаю. Его граф год назад пристроил — старый солдат, без руки. Он живёт в людской, сапоги чистит да дрова колет.

— Позовите Михея.

Михей явился — кривой на один глаз, с пустым рукавом, запах от него шёл дёгтем (тем самым, который учуял Гринев в прихожей — мазь для сапог). Гринев долго смотрел на него, потом спросил:

— Где вы вчера были между восемью и одиннадцатью?

— В людской. Спал. У меня свидетель есть — повар Захар.

— А фикус зачем переставили?

Михей побледнел под загаром. Его глаз забегал. Граф, который до этого смотрел на сыщика с пренебрежением, теперь впился взглядом в чистильщика.

— Выкладывай, Михей, — тихо сказал граф.

Через час всё выяснилось. Михей, чистя сапоги в прихожей, увидел, как лакей Иван вышел из кабинета с чем-то, завернутым в тряпицу. Иван был должен Михею три рубля и не отдавал. Михей решил его шантажировать — переставил фикус, чтобы якобы видеть, как Иван крадёт, и потребовал деньги. Но Иван, испугавшись, что его поймают, ночью незаметно положил табакерку обратно — она нашлась за книжным шкафом. А окурки Михей оставил, когда курил в кабинете, пока графа не было — слабость имел, любил барскую

обстановку.

Ивана арестовали, Михея выгнали, а граф Шереметев, краснея, поблагодарил Гринева и попросил «не разглашать, ради бога, эти неприятности». Дело закрыли тихо, но Барбанов, узнав подробности, только хмыкнул: «Нюх есть. Но везение — не талант».

Гринев не спорил. Он знал — везения тут не было. Был порядок: сначала увидеть несоответствие (фикус не на месте), потом найти объяснение (окури), потом проверить всех, кто мог курить «Беломор», и найти того, кто зачем-то переставил кашпо. Элементарно. Но для сыскной полиции того времени это было откровением.

Второе дело пришло через две недели.

Убийство ростовщика Арона Шмулевича на Лиговском проспекте. Старик жил в доходном доме № 47, в крохотной квартирке, заваленной старым хламом. Соседи слышали вечером крик, но никто не вызвал полицию — в этом районе крики были делом обычным.

Тело нашли городовые наутро. Шмулевич лежал лицом вниз, в луже крови. Вскрытие показало: два удара ножом в грудь, один — в шею. Убийство явно было поспешным, не профессиональным — удары наносили в беспорядке, с большой силой, но без знания анатомии.

Гринев прибыл на место, когда труп уже вынесли. В квартире остался только запах — дешёвого мыла, гнилых овощей и ещё чего-то сладковатого, приторного. Он обошёл комна-

ты. В спальне — развороченный комод, вещи разбросаны, но деньги не тронуты: под половицей нашёлся кошелёк с семьюстами рублями. Значит, не грабёж. Или не успели.

В гостиной — маленькое зарешёченное окно, выходящее во двор. Форточка открыта. Гринев высунул голову — под окном двор, метрах в пяти земля. Снег. Февраль. На снегу — ни следа. Но если убийца вылезал в окно, следы были бы. Значит, не вылезал. Тогда зачем открыта форточка?

Он спустился во двор. Снег был плотный, утоптаный. Дворник Григорий — мужик с бородой лопатой — рассказал, что сегодня ночью мела метель, а утром он чистил двор и видел... видел что-то странное.

— Что? — спросил Гринев.

— Да вроде как пятно на снегу. Я подумал — собака нагадила, а оказалось — нож. Окровавленный. Я его отбросил, грех такое руками брать. Он в сугроб упал, вон туда.

Нож нашёл городской через десять минут — кухонный тесак, с деревянной ручкой, на лезвии — кровь. И ещё — странная деталь: рукоятка была обмотана изолентой, но не новой, а старой, с какими-то буквами, наполовину стёртыми.

Гринев вернулся в квартиру. Форточка была открыта — но зачем? Если бы убийца хотел выбросить оружие, почему он не выбросил его сразу, в тот же вечер? Зачем держать нож до утра? Или он открыл форточку не для ножа?

Он заглянул под кровать. Там лежала студенческая фуражка — тёмно-синяя, с кокардой, новая, дорогая. На под-

кладке — инициалы «К.З.».

— Кто здесь живёт, кроме ростовщика? — спросил Гринев у дворника.

— Никого. Старик один был. Но у него ходили разные — студенты, мастеровые, женщины. В долг брали.

Гринев попросил список должников. Шмулевич был педантичен — записи вёз на иврите, но дворник знал всех в лицо. Среди должников был студент Технологического института Константин Завьялов. Брал сорок рублей на обучение. Не отдал. Угрожал.

— Где живёт Завьялов?

— А вот тут же, в доходном доме, в подвале, номер пять.

В подвале воняло сыростью и мышами. Завьялов лежал на кровати, бледный, с перевязанной рукой. Увидев полицию, он побледнел ещё больше. Гринев сел на табурет и долго молчал. Потом спросил:

— Вы порезались, Константин Петрович?

— Да. Бритвой. Нечаянно.

— Бритвой? А почему порез на левой руке? Вы правша. Бреются правши левой рукой? Странно.

Завьялов молчал.

— Я знаю, что вы были у Шмулевича вчера вечером. Соседка видела. Знаю, что вы должны ему. Знаю, что вы брали нож на кухне — дворник Григорий видел, как вы вчера утром точили нож о точильный камень во дворе. А нож, которым убили, — ваш. Рукоятка обмотана изолентой, на ко-

торой написано «Технологический институт, лаборатория № 4». Такая изолента есть только в вашей мастерской.

Завьялов разрыдался. Признался. Шмулевич угрожал отдать его вексель ректору — исключат, позор, родители в деревне умрут от стыда. Он пришёл просить отсрочки, но старик начал смеяться, выгнал его, назвал «жидомором». Вспылил. Ударил. А когда понял, что наделал — открыл форточку, чтобы проветрить комнату, убрать запах крови. Нож сунул за пазуху, но, когда выходил, понял, что с ним на улице попадут, и решил выбросить в снег. Только утром, когда уже рассвело, выкинул. А сам замотал рану — нож соскользнул, когда он бил, порезал себе ладонь.

Гринев встал. Прошёлся по комнате.

— Почему вы не убили его с первого удара? — спросил он неожиданно.

— Я не хотел убивать. Я хотел только ударить. Но он закричал, и я испугался.

— Вы студент, Константин Петрович. Учитесь на инженера. Вы могли бы рассчитать, что два удара ножом в грудь убьют любого. И всё равно ударили. Это не защита, не самооборона. Это убийство. Но я доложу прокурору, что вы раскаялись. Суд будет милосерднее.

Завьялова увели. Гринев вышел на улицу. Шёл снег. Он подумал о том, что преступление — это всегда цепь ошибок. Ошибка с фуражкой, ошибка с форточкой, ошибка с ножом, который не выбросили сразу. Но главная ошибка —

жить так, чтобы тебя довели до убийства.

Обер-полицмейстер вызвал Гринева к себе через неделю. Седой, важный, с лентой через плечо, он сидел в кресле и курил сигару.

— Надворный советник, — сказал он, — я читал ваши рапорты. Вы, кажется, единственный человек в сыскной полиции, который умеет думать. Барабанов — дурак, но его держат за заслуги. А вы — держитесь. Вам будет трудно. Вас будут ненавидеть. Но вы нужны.

Он протянул коробку папирос. Гринев взял одну. «Бостон». Хороший табак.

С тех пор в участке его прозвали «гробарём». Кто-то шептал, что он носит в кармане мертвую голову. Кто-то — что он колдун, потому что видит то, чего нет. Сам Гринев только усмехался и носил в кармане записную книжку, где записывал каждую мелочь — пятно, окурок, запах, сломанную пуговицу.

И вот наступил сентябрь 1892 года.

Гринев сидел в своём кабинете — маленькой комнатке на третьем этаже, где пахло пылью и махоркой, а на столе всегда стоял стакан остывшего чая. На стене висела карта Петербурга, утыканная булавками, — места преступлений. Булавок было много.

Он разбирал бумаги по новому делу — о поддельных векселях. Дело было странным. Три купца — Тучков, Березин и Смирнов — обвинялись в том, что выдали векселя на предъ-

явителя на общую сумму сто двадцать тысяч рублей. Векселя были предъявлены к оплате неким господином фон Шта-лем, который требовал деньги. Купцы клялись, что ничего не подписывали. Но подписи были — точь-в-точь, как живые. Даже почерковед из университета развёл руками: «Имитация высшего класса».

Гринева перечитал бумаги в третий раз. Обратил внимание на даты: векселя датированы 1889 годом, но бумага, на которой они написаны, имела водяной знак «Варгунины-1890». То есть бумага выпущена позже, чем якобы выдан документ. Это был первый камень.

Он хотел было отправиться к Линцу — своему старому приятелю-химику, чтобы тот проверил чернила, как вдруг в дверь постучали. Негромко, почти робко.

— Войдите.

Дверь открылась, и на пороге появился Константин Петрович Верховцев.

Верховцев был ровесником Гринева, но выглядел старше — осунувшееся лицо, мешки под глазами, дрожащие руки. Они дружили с университета — Гринева учился на юридическом, Верховцев на математическом, но свела их любовь к шахматам и нелюбовь к профессору философии, которого оба ненавидели за занудство. Потом пути разошлись: Гринева ушёл в армию, потом в полицию; Верховцев стал присяжным поверенным, женился, развёлся, имел репутацию блестящего адвоката, но слыл человеком, «любящим рискован-

ные комбинации».

Сейчас он выглядел так, будто его возили в пролётке по всей мостовой.

— Лёва, — сказал Верховцев, проходя и тяжело опускаясь на стул. — Мне нужна твоя помощь. Или, вернее, мне нужно, чтобы ты... чтобы ты не помогал. Нет. Слушай.

Он дрожащей рукой вытащил из кармана сюртука сложенный лист бумаги и положил на стол.

Гринева развернул. Аккуратный, каллиграфический почерк, без единой помарки. Чёрные чернила. Текст гласил:

«Константин Петрович.

У тебя есть три дня, чтобы уговорить надворного советника Гринева прекратить расследование по делу о поддельных векселях. Если через три дня он не подаст рапорт об отказе от дальнейшего ведения этого дела, твоя игра на бирже с доверительными суммами станет известна прокурору судебной палаты.

Рекомендую отнестись к этому письму серьёзно. Мы знаем всё: суммы, даты, имена нотариуса, который принимал у тебя деньги, имена твоих контрагентов, которые до сих пор ждут отчёта. У тебя есть знакомые, которые могут повлиять на Гринева. Используй их.

В противном случае — огласка, суд, каторга.

Твой доброжелатель».

— Лёва, — прошептал Верховцев, — это шантаж. Настоящий, грязный шантаж. Дело, о котором он говорит... я дей-

ствительно брал займы из доверительных сумм. Всего на три недели, для биржевой игры. Мне показалось, что я могу успеть. Акции «Общества Невской бумагопрядильни» падали, я купил, они выросли, я вернул всё до копейки. Никто не пострадал. Но откуда они знают? Откуда?!

— Кто знает, что ты брал? — спросил Гринев, не отрывая взгляда от записки.

— Нотариус. Мой помощник. Моя бывшая жена. Ещё человек пять-шесть. Но это же... это же не могут быть все они!

Гринев поднял записку к свету. Бумага была плотной, с водяными знаками — фабрика братьев Варгуниных, гербовый лист, продававшийся только в казённых лавках по тридцать копеек за штуку. Не всякий жулик позволит себе такую.

— Твой доброжелатель, — медленно сказал Гринев, — не мелкий шантажист с Сенной. Он либо очень богат, либо очень хорошо связан. Такая бумага продаётся только оптом, по заказу. У тебя есть враги среди богатых людей?

Верховцев горько усмехнулся:

— Лёва, у адвоката всегда есть враги среди богатых людей. Но чтобы так... это же не просто угроза. Это приговор. Если я не уговорю тебя бросить дело — меня посадят. А если я уговорю — ты бросишь расследование, и преступники останутся на свободе. И ты меня возненавидишь.

Гринев встал, подошёл к окну. На улице моросил дождь. Фонарщики уже зажигали газовые рожки, и жёлтый свет дрожал в лужах.

— Константин, — сказал он, не оборачиваясь, — ты мой друг. Это правда. Но я не брошу дело. Не потому, что мне жаль купцов. А потому, что тот, кто пишет такие письма, не остановится на одном шантаже. Он убьёт, если понадобится. И он убьёт тебя, когда ты станешь ему не нужен.

Верховцев закрыл лицо руками.

— Что же мне делать?

Гринев повернулся. В его глазах была та холодная сталь, которую так боялись в участке.

— Ты будешь делать вид, что уговариваешь меня. А я буду делать вид, что не поддаюсь. И посмотрим, кто ошибётся в своих расчётах.

— А если они узнают?

— Они уже знают больше, чем должны, — сказал Гринев, беря со стола записку. — Значит, они среди нас. И мы их найдём.

За окном, в тёмной воде канала, отражался жёлтый фонарь. Где-то вдалеке прокричал извозчик. Сырая петербургская ночь наступала, и Гринев знал — эта ночь будет длинной.

Глава 2. Решение проблемы, помощь друга и шантаж.

Решение пришло к Гриневу не в кабинете и не за письменным столом, а в бане.

Это была его странная привычка — париться по субботам в старых банях на Дегтярной улице, где собирался простой народ: извозчики, мелкие лавочники, отставные солдаты. Здесь, в клубах пара, когда тело плавилось от жара, а потом ныряло в ледяную купель, мысли становились кристально чистыми. Гринев считал, что в бане исчезает ложь — люди без мундиров, без нашивок, без притворства. И он сам сбрасывал с себя чин надворного советника и становился просто Львом, мужиком с негнущимся от старых ран телом.

В тот вечер, после визита Верховцева, он сидел на верхнем полке, хлестал себя берёзовым веником и думал. Вексельное дело, которое он вёл по поручению прокурора, было странным. Слишком странным. Три купца — Тучков, Березин, Смирнов — известные люди, не из последних. У каждого лавки в Гостином дворе, у каждого дом, семья, прислуга. И вдруг — поддельные векселя? Зачем? Тучков, правда, недавно понёс убытки из-за пожара на фабрике, но сто двадцать тысяч — не те деньги, ради которых он стал бы рисковать репутацией.

Нет, здесь что-то другое. Кто-то подставил купцов. Кто-то, кто умеет подделывать подписи так, что даже эксперты разводят руками. И этот кто-то теперь шантажирует Верховцева, чтобы Гринев бросил дело. Значит, шантажист боится. Боится, что Гринев докопается до истины.

— Эй, барин, — окликнул его голос снизу. — Слезай, угодишь.

Гринев очнулся. Внизу стоял банщик Егорыч — кряжистый мужик с седой бородой и татуировкой на груди: «Не забуду мать родную».

— Думаешь, Егорыч, — сказал Гринев, спускаясь, — отчего люди воруют?

— От глупости, — ответил банщик, плеснув ковш воды на каменку. — Или от жадности. А ты, барин, не воруй. У тебя глаза честные.

Гринев усмехнулся. Глаза честные — это хорошо. Но мало.

На следующий день, в понедельник, Гринев отправился к Тучкову.

Силантий Аверьянович Тучков жил на Литейном проспекте, в собственном особняке с колоннами. Купец был из старообрядцев, борода лопатой, подрясник, говорит в нос и крестится двумя перстами. Гринев знал, что такие люди — крепкие, въедливые, честные до скупости. Они не подписывают то, чего не читают, и не дают в долг без расписки.

Тучков встретил его в кабинете, пахнущем кожей и таба-

ком. На столе лежали те самые векселя — три листа гербовой бумаги, каждый на сорок тысяч.

— Смотри, Лев Арсеньевич, — сказал купец, тыча пальцем в подпись. — Вот это моя рука? Похоже. Глаз не отличит. Но я не подписывал. Ей-богу, не подписывал. Я того дня у тёщи на именинах был, тридцать человек свидетелей. А вексель датирован этим числом.

— Я верю вам, Силантий Аверьянович, — сказал Гринев. — Но вера — не улика. Мне нужно, чтобы вы вспомнили всё, что было в те дни. Кто приходил к вам? Кто мог видеть вашу подпись? Кто мог взять образец?

Тучков задумался. Потом щёлкнул пальцами.

— Был один. Племянник мой, Афонька. Афанасий Петрович Тучков. Он приезжал из Москвы, гостил неделю. Пьяница, картёжник, я его выгнал. Он видел, как я подписывал договор с подрядчиком. Смотрел прямо через плечо. И потом — у меня пропала папка с бланками. Я думал, затерялась. А теперь думаю — Афонька уволок.

— Где он сейчас?

— В Москве, сказывают, в долговой яме сидит. Но оттуда, Лев Арсеньевич, тоже можно письма писать и заговоры строить.

Гринев записал имя. Племянник-картёжник — хорошая ниточка. Но не главная. Картёжник не сможет сделать чернила, которые вводит в заблуждение экспертов. Для этого нужен химик.

И Гринев подумал о Линце.

Эдуард Фёдорович Линц был одним из тех людей, кого природа щедро одарила талантами и скупой — удачей. Выпускник Дерптского университета, ученик самого Менделеева, он защитил диссертацию по химии сложных эфиров и считался восходящей звездой российской науки. Но звезда погасла быстро: Линц женился на актрисе, та промотала его наследство и сбежала с поручиком, оставив учёного с кучей долгов и испорченной репутацией. Академия наук от него отвернулась, кафедру не дали, и Линц зарабатывал частными уроками, химическими анализами для фабрик и — иногда — экспертизами для полиции.

Гринев познакомился с ним лет за пять до того, когда Линца обвинили в подделке рецептов (кто-то подставил, подсунув фальшивую накладную на аптечные товары). Гринев тогда только начинал, но сразу понял, что учёный не виновен — почерк на накладной не совпадал с почерком Линца даже визуально, а эксперты почему-то этого не видели. Он добился пересмотра дела, и Линца оправдали. С тех пор они стали друзьями — сыщик и химик, два одиночества, которые понимали друг друга с полуслова.

Лаборатория Линца находилась на Васильевском острове, в Тучковом переулке, в полуподвальном помещении, где вечно пахло серой, аммиаком и ещё чем-то жжёным. Стёкла колб тускло блестели в свете керосиновой лампы, а на полках в банках с надписями «Яд» хранились вещества, назва-

ния которых Гринев даже не пытался запомнить.

— Лев, голубчик, — сказал Линц, когда Гринев вошёл, снимая пальто. — Ты вовремя. Я тут варил мыло для знакомой аптекарши, получилась мерзость, но зато я открыл новый способ очистки глицерина. Впрочем, тебе это неинтересно. Что у тебя?

Гринев положил на стол векселя — копии, разумеется, подлинники хранились у прокурора.

— Чернила, Эдуард. Мне нужно знать, когда они были сделаны.

Линц надел очки — старомодные, в железной оправе, — и склонился над бумагой. Он долго водил по ней лупой, потом выдвинул ящик стола, достал микроскоп — немецкий, фирмы «Карл Цейсс», драгоценность, которую он берёт даже глаза.

— Чёрт, — сказал он через минуту. — Чёрт, чёрт, чёрт.

— Что?

— Чернила, мой друг, называются «вечными». Состав: железный купорос, дубильная кислота, немного индиго для цвета. Такие чернила не выцветают, не смываются, не поддаются травлению. Они вошли в моду года три назад. Но самое интересное — в этих чернилах есть примесь анилинового красителя, который начали добавлять на фабрике братьев Крестовниковых только в конце 1890 года. А векселя датированы 1889-м.

— То есть?

Линц поднял голову. В его глазах блеснул азарт — тот самый, который появляется у учёного, когда он понимает, что стоит на пороге открытия.

— То есть, Лев, эти чернила не могли быть использованы в 1889 году, потому что их тогда не существовало. Подписи сделаны не раньше 1891 года. А скорее всего — в этом году. Это железная улика.

Гринев молчал. Железная улика. Но железо можно сломать. Если прокурор захочет.

На следующий день Гринев отправился к прокурору судебной палаты, действительному статскому советнику Павлу Никитичу Заборовскому.

Заборовский был человеком старым, опытным и хитрым. Он носил пенсне, говорил шепотом и всегда слушал больше, чем говорил. В судейских кругах его побаивались — ходили слухи, что он знает обо всех всё: кто с кем спит, кто кому должен, кто берёт взятки. Но при этом Заборовский никогда не использовал эти знания во вред — только на пользу. Или так он сам считал.

Гринев вошёл в кабинет, доложил о находке Линца. Заборовский долго рассматривал векселя, вертел их так и сяк, потом положил на стол и снял пенсне.

— Хорошая работа, Гринев, — сказал он. — Я доложу министру. Но есть одна загвоздка.

— Какая?

— Эксперт, который смотрел эти векселя в прошлом ме-

сяце, — профессор Саламатов из университета — дал заключение, что подписи подлинные. Он ссылался на... как это называется... на микрографию. Теперь вы говорите, что он ошибся. А Саламатов — человек с весом. Мне придётся назначить повторную экспертизу. Это время.

— Сколько?

— Недели две. А лучше три. Вы пока соберите другие доказательства. И следите за собой, Гринев. Дело пахнет большими деньгами. А где большие деньги, там и большие неприятности.

Гринев вышел от прокурора в приподнятом настроении. Сказать по правде, он ожидал, что Заборовский будет отмахиваться, тянуть, хоронить дело. А тут — почти поддержка. «Следите за собой», — сказал прокурор. Гринев усмехнулся: за собой он следил всегда. На то он и сыщик.

Но он ошибался.

Наутро его разбудил грохот в дверь.

Квартира Гринева находилась в доходном доме на Малой Московской, в четырёх комнатах, которые он снимал у вдовы полковника — сухопарой старухи, вечно нюхавшей табак. Комнаты были тесными, заставленными книжными шкафами и папками с делами. Гринев жил один, не считая старого кота Василия, который спал на кипе газет и ловил мышей с философским спокойствием.

Грохот оказался приставом Меркуловым — толстым, красномордым, с бакенбардами, как у жандарма. За ним сто-

или двое городских с фонарями и понятые — дворник и какой-то заспанный мастеровой.

— Гринев, — сказал Меркулов, даже не поздоровавшись, — у меня ордер на обыск. Жалоба от тайного советника Шестова, что вы храните крамольную литературу и распространяете воззвания к ниспровержению самодержавия.

— Что? — Гринев сел на кровати, протирая глаза. — Какой Шестов? Пётр Алексеевич? Тот, что в Министерстве путей сообщения?

— Он самый. Вскрывайте шкафы.

Обыск длился три часа. Городовые вывернули всё: книги, бумаги, письма, даже кота согнали с газет. Ничего крамольного, разумеется, не нашли. Ни одной прокламации, ни одного нелегального издания. У Гринева была только юридическая литература, пара романов Тургенева и полное собрание сочинений Лескова, которого он обожал за язык.

Меркулов ушёл, буркнув что-то про «ложный донос». Но Гринев знал: это был не ложный донос. Это был сигнал. Шантажист, угрожавший Верховцеву, теперь наносил удар по самому Гриневу. Он показал, что у него есть связи на самом верху — тайный советник Шестов, сановник, приближённый ко двору, подписал донос на сыщика. Значит, шантажист либо сам Шестов, либо кто-то, кто имеет над Шестовым власть.

Гринев сел за стол и написал рапорт. Он изложил всё: обыск, донос, связь с вексельным делом. Он просил прокурора о защите. Но в душе понимал — прокурор не поможет.

Потому что прокурор — тоже часть системы. А в системе каждый смотрит за своим креслом.

Верховцев пришёл в тот же вечер.

Он выглядел ещё хуже, чем в прошлый раз: небритый, с красными глазами, от него пахло коньяком — и не первым.

— Ты видел? — спросил он, падая в кресло. — Обыск. Донос. Что дальше? Тебя уволят? Арестуют?

— Меня не за что арестовывать, — спокойно ответил Гринев, наливая чай. — А уволить — могут. Но не уволят, потому что я нужен. Пока нужен.

— Лёва, ты не понимаешь. Это не игра. Это война. У них деньги, у них власть, у них связи. А у нас что?

— У нас правда, — сказал Гринев. — И химик Линц.

Верховцев горько рассмеялся.

— Правда? Химик? Ты наивен, Лёва. Ты всегда был наивен. Думал, что если собрать улики, то преступник сам упадёт к ногам. Но так не бывает. Преступники побеждают. Потому что у них нет совести.

— У нас есть кое-что ещё, — сказал Гринев, подходя к окну. — Страх. Они боятся. Иначе зачем им обыск? Зачем донос? Если бы они были уверены в своей безнаказанности, они просто убили бы меня. Или тебя. Но они не убивают. Они пугают. Значит, боятся.

Верховцев молчал. Потом сказал тихо:

— Я вчера ходил к нотариусу. К тому, который знает про мои махинации. Хотел попросить его молчать. А он сказал,

что к нему уже приходили. Двое в штатском. Предупредили: если он заговорит — его сына выгонят из кадетского корпуса. Понимаешь? Они везде. Они проникли во всё.

— Кто они?

— Не знаю. Но они среди нас. Я чувствую. Это кто-то из наших знакомых. Кто-то, кто бывает в тех же домах, кто знает нас обоих. Они знали, что ты пойдёшь к Линцу. Значит, они следили за тобой. Или за Линцем.

Гринев задумался. В самом деле — кто знал, что он отправится на Васильевский остров? Он никому не говорил. Ни Верховцеву, ни прокурору. Он просто пошёл. Но кто-то узнал. Значит, либо слежка, либо...

— Константин, — сказал он медленно, — у тебя в канцелярии есть кто-нибудь, кто мог бы... быть связан?

Верховцев побледнел.

— Ты думаешь, что среди моих людей... предатель?

— Я думаю, что предатель может быть, где угодно. Даже в сыскальной полиции.

Они помолчали. Кот Василий спрыгнул с газет и потёрся о ноги Гринева. За окном стемнело. Где-то за стеной играли на гармонии — «Вот мчится тройка почтовая».

— Что будем делать? — спросил Верховцев.

— Будем делать вид, что я сдаюсь, — сказал Гринев. — Я напишу рапорт о болезни. Уеду в Царское Село. Буду ждать. А ты — ты будешь жить, как ни в чём не бывало. Ходить в клуб, играть в карты, пить коньяк. И смотреть.

— Смотреть?

— Смотреть, кто обрадуется моему уходу. Кто начнёт действовать. Кто ошибётся.

— А если никто не ошибётся?

— Все ошибаются, Константин. Все. Даже самый умный преступник. Вопрос только в том, какую ошибку он совершит.

На следующий день Гринев подал рапорт о болезни. Начальство приняло его с удивлением: «Что, Гринев, сдрейфил?» Он промолчал. Собрал вещи, перевёз кота к Линцу (учёный был аллергиком, но ради друга согласился терпеть), а сам поселился на съёмной квартире в Царском Селе, под чужим именем.

Квартира была маленькой, на втором этаже, с окнами в сад. Хозяева — старики-мещане — думали, что сдают комнату петербургскому чиновнику, который лечит нервы. Гринев не разубеждал. Он сидел у окна, смотрел на желтеющие листья и ждал.

Ждать пришлось недолго.

Через три дня Верховцев прислал записку с нарочным. В записке было всего два слова: «Он объявился».

Гринев прочитал, улыбнулся и начал собираться.

Охота началась.

Параллельная история, о которой Гринев не знал, но которая имела прямое отношение к делу, разворачивалась в то же самое время в Москве.

Афанасий Петрович Тучков, тот самый племянник-картёжник, сидел в долговой яме при Таганской части уже четвёртый месяц. Яма представляла собой подвал с земляным полом, где воняло мочой и кислой капустой, а сокамерники делились на тех, кто надеялся выйти, и тех, кто уже смирился.

Афонька надеялся. У него был план.

План состоял в том, чтобы выкупить себя через дядю. Но дядя, Силантий Аверьянович, денег не давал — злился за прошлые грехи. Тогда Афонька решил действовать иначе. Он написал письмо некоему господину в Петербург, с которым познакомился в карточной игре. Господин представился как «человек, который может решать любые вопросы». Он дал Афоньке визитную карточку, где было только имя: «Александр Львович» и адрес — контора на Невском.

Афонька написал этому Александру Львовичу: «Могу дать показания о подделке векселей. Дядя не виноват, а я знаю, кто подделал. Выкупите меня из ямы, и я всё расскажу».

Ответ пришёл через неделю. В конверте были деньги — ровно столько, сколько требовалось для выкупа. И короткая записка: «Молчи. Приеду сам».

Афонька обрадовался. Он заплатил за выход, переоделся в чистое и вышел на свободу. Но на пороге тюрьмы его ждал не Александр Львович, а двое крепких молодцов в цигейковых шубах.

— Ты Тучков? — спросил один.

— Я.

— Садись в пролётку. Хозяин ждёт.

Афоньку увезли. Больше его никто не видел.

В Петербурге, в конторе на Невском проспекте, в тот же вечер состоялся разговор.

Александр Львович — высокий, сутулый, с рыжей бородкой и пенсне — сидел в кресле и слушал доклад своего помощника, господина с лицом хорька.

— Тучкова убрали, — сказал помощник. — Тело закопали в Лесном. Никто не найдёт.

— Хорошо, — ответил Александр Львович. — А что Гринев?

— Уехал в Царское Село. Болеет.

— Не верится. Гринев не из тех, кто болеет. Это игра. Он что-то задумал.

— Прикажете убрать?

Александр Львович задумался. Потом покачал головой.

— Нет. Пока нет. Гринев — фигура публичная. Если он исчезнет, начнут копать. А нам это не нужно. Лучше надавить на Верховцева ещё раз. Пусть тот уговорит Гринева отказаться от дела. Если не уговорит — пустим слух, что Верховцев украл доверительные суммы. Его посадят, и Гринев будет молчать, чтобы не навредить другу.

— А если не замолчит?

— Замолчит. У Гринева есть слабость. Он предан дру-

зьям. Этим мы и воспользуемся.

Помощник ушёл. Александр Львович подошёл к окну. На Невском горели фонари, ехали экипажи, шли люди. Никто из них не знал, что в конторе на третьем этаже сидит человек, от которого зависит судьба многих.

Он снял пенсне, протёр стёкла и усмехнулся.

«Гринеv, Гринеv, — подумал он. — Ты хороший сыщик. Но ты играешь по правилам. А я — нет. И потому я выигрываю».

Вернувшись в Петербург через неделю, Гринеv первым делом отправился к Линцу. Учёный встретил его в переднике, перепачканном чем-то зелёным,

— Твой Васька сожрал моего тритона, — мрачно сказал Линц. — Я его три года растил.

— Тритоны — дело наживное, — ответил Гринеv, снимая пальто. — Что по чернилам?

— Я сделал полный анализ. Вот, смотри.

Линц подвёл его к столу, где под микроскопом лежал кусочек бумаги с подписью.

— Чернила не просто «вечные». Они имеют уникальный состав: соотношение железного купороса к дубильной кислоте — один к трём. Такое соотношение использовала только одна фабрика — «Товарищество Крестовниковых» в Казани. И только с сентября 1891 года. В 1889-м таких чернил в природе не существовало.

— Это доказывает подлог?

— Это доказывает, что подписи сделаны не в 1889-м. А когда именно — я не могу сказать. Но я могу сказать другое: тот, кто их делал, был профессионалом. Он не просто подделал подпись — он имитировал нажим, угол, даже росчерк. Это делал не дилетант. Это делал человек, который имел перед глазами оригинал и много тренировался.

— Или который имел доступ к типографскому оборудованию, — добавил Гринев.

— Возможно. Но для этого нужно быть... ну, не простым жуликом.

Гринев взял лупу и сам посмотрел на подпись. Буквыплыли перед глазами, но он всё равно смотрел. Искал то, что упустил. И нашёл.

— Эдуард, — сказал он. — Посмотри сюда. В конце подписи — маленькая точка. Не от пера. Похоже на след от иглы.

Линц прильнул к микроскопу.

— Чёрт возьми! Ты прав. Это след от циркуля. Кто-то переводил подпись через копирку, обводя иглой. Значит, оригинал существовал. Они не рисовали подпись с нуля — они переводили её с другого документа. То есть у них был подлинный вексель Тучкова, и они просто скопировали подпись.

— А потом уничтожили оригинал, — закончил Гринев. — И подсунули подделку. Но откуда у них взялся оригинальный вексель Тучкова?

— Ты думаешь, что сам Тучков...?

— Нет. Тучков честен. Но кто-то из его окружения. Племянник, например. Или приказчик. Или... кто-то, кто имел доступ к его конторе.

Гринев задумался. Потом достал записную книжку и написал список:

Афанасий Тучков (племянник) — картёжник, пьяница, мог продать образец.

Приказчик в лавке — Кузьма Ермолаев, работает 10 лет, без замечаний.

Дворецкий Тучкова — Герасим, старик, верный, но вдруг?

Шестов? Связь?

Он перечитал список и вздохнул. Слишком много подозреваемых. И слишком мало времени.

В тот же вечер Верховцев пришёл снова. На этот раз он был не один — с ним пришёл господин в чёрном сюртуке, с бледным лицом и бегающими глазами.

— Лёва, — сказал Верховцев, — это господин Стеклов. Он служит в канцелярии прокурора. Ему есть что сказать.

Стеклов нервно оглянулся, потом заговорил шёпотом:

— Я знаю, кто шантажирует Константина Петровича. Это не один человек. Это группа. В неё входят чиновники судебного ведомства, два купца и один очень высокий сановник. Я не могу назвать имя. Боюсь.

— Бойтесь чего? — спросил Гринев.

— Боюсь, что меня убьют. Как убили того студента, кото-

рый вёз письма.

— Какого студента?

Стеклов побледнел ещё больше.

— А вы не знаете? В Москве, в Лесном, нашли труп. Молодой человек, задушен. При нём — письма к вашему другу, к Константину Петровичу. Письма, в которых он обещал рассказать про подделку векселей. Убийство замяли. Но я знаю.

Гринев переглянулся с Верховцевым. Тот был бел как полотно.

— Константин, — медленно сказал Гринев, — кто этот студент?

— Я не знаю никакого студента, — прошептал Верховцев.
— Клянусь.

— Но письма были к вам.

— Значит, кто-то писал от моего имени. Или... или это ловушка.

Стеклов встал.

— Я всё сказал. Дальше сами. Меня здесь не было.

Он вышел, даже не попрощавшись. Гринев долго смотрел ему вслед.

— Константин, — сказал он наконец, — нам нужно ехать в Москву.

— Зачем?

— Смотреть труп. Если он действительно существует, там могут быть следы. А если нет — значит, Стеклов водит нас

за нос.

— А если Стеклов — один из них?

— Тогда он ошибся, назвав себя. Потому что теперь мы знаем его лицо.

Гринев подошёл к карте на стене. Москва. Лесной. Труп студента. Письма, которых не должно было быть. И где-то там, в тени, прятался главный заговорщик — тот, кто боялся правды больше, чем смерти.

«Охота продолжается», — подумал Гринев и начал собираться в дорогу.

Глава 3. Возникшие проблемы и новый план.

Третью неделю сентября 1892 года Петербург заливали дожди. Не обычные осенние, а какие-то злые, косые, хлеставшие в окна с такой силой, будто сам Господь решил смыть с лица земли всю нечисть, что скопилась в столице. Вода стояла в канавах по колено, извозчики драли втрое, а на углах горели костры — грелись городовые, замотанные в дождевики до бровей.

Гринев стоял у окна своей квартиры на Малой Московской и смотрел на мокрые крыши. За спиной на столе дымился остывший чай. Кот Василий спал, свернувшись клубком на кипе «Правительственного вестника», и даже во сне его усы подрагивали — чуял мышь в подполе.

Прошло десять дней с того момента, как Гринев вернулся из Царского Села. Десять дней, которые изменили всё.

Во-первых, его перестали пускать в архивы. Просто так, без объяснения причин. Приходишь в департамент — и чиновник, который ещё месяц назад кланялся и подавал стул, теперь смотрит сквозь пальцы и говорит: «Извините, надворный советник, но без особого распоряжения...». А особого распоряжения нет и не будет. Кто-то поставил запрет — негласный, но железный.

Во-вторых, свидетели. Те самые, которые готовы были давать показания о подделке векселей, вдруг заболели, уехали, забыли. Один мелкий маклер, торговавший на бирже, которого Гринев нашёл через знакомых, пришёл в ужас, когда увидел сыщика: «Не знаю ничего, не помню ничего, у меня мать больна, уезжаю в Киев». И уехал — на следующий же день. Другой — приказчик Тучкова, Кузьма Ермолаев — просто исчез. Испарился. Дверь в его каморку была открыта, на столе стояла недопитая кружка кваса, а на полу валялся окурок «Беломора» — того самого, что курил когда-то чистильщик сапог у графа Шереметева.

Гринев поднял окурок, положил в конверт и пометил: «Связь? Или совпадение?»

В-третьих — экипаж.

Это случилось на Литейном проспекте, когда Гринев возвращался от нотариуса. Он переходил улицу, посмотрел налево — никого, направо — пусто. И вдруг из переулка вылетела пролётка, запряжённая парой, на полном скаку. Кучер — в чёрном картузе, лицо скрыто — даже не думал тормозить. Гринев отпрыгнул в последний момент, зацепился сапогом за рельс конки и упал, больно ударившись плечом о мостовую. Пролётка пронеслась в двух вершках от его головы. На мгновение он увидел лицо человека в пролётке — белое, с рыжими усами, похожее на маску. И больше ничего.

— Убьют ведь, барин, — сказал прохожий, помогая ему встать. — Убьют. Не ровен час.

Гринев отряхнул шинель. Рукав был порван, колено саднило. Он посмотрел вслед уносившейся пролётке и тихо сказал:

— Не убьют. Не посмеют.

Но в душе он не был уверен.

Главной проблемой был Верховцев.

Друг изменился до неузнаваемости. Тот блестящий адвокат, который мог часами распинаться в суде, убеждая присяжных в невинности самого отъявленного мошенника, теперь сидел дома, никуда не выходил, не брился, не менял рубашек. От него пахло застоявшимся потом и дешёвым коньяком — тем самым, которым торгуют в ренсковых погребах по сорок копеек за бутылку.

— Константин, ты погубишь себя, — сказал Гринев, застав его в очередной раз в полумраке кабинета, где шторы были задёрнуты, а на столе среди бумаг стояли три пустые бутылки. — Что с тобой?

— Что со мной? — Верховцев поднял голову. Глаза его были красными, безумными. — А ты не знаешь? Мне прислали новое письмо. Вчера. Вот, читай.

Он бросил на стол лист бумаги. Гринев развернул. Тот же почерк, та же каллиграфия, та же гербовая бумага фабрики Варгуниных.

«Константин Петрович.

Вы не выполнили наше условие. Гринев продолжает расследование. Мы даём вам последний шанс — три дня. Если

за это время Гринев не напишет рапорт об отказе от дела, мы передаём все документы прокурору.

Кроме того, мы решили, что вы должны доказать свою лояльность. В четверг, ровно в полдень, вы придёте в контору на Невском, 47, и оставите там расписку, что подтверждаете подлинность векселей. Если вы не сделаете этого, ваша дочь, которая учится в Смольном институте, будет исключена с волчьим билетом. Её репутация будет уничтожена. Навсегда.

Выбирайте. Семья или карьера?»

Гринев дочитал и положил письмо на стол. В груди у него закипела холодная ярость. Дочь Верховцева, Лиза, была для него святая святых — шестнадцатилетняя девочка, умница, красавица, единственная отрада после развода с женой. Верховцев души в ней не чаял, платил за обучение последние деньги, ездил к ней каждое воскресенье. И теперь этот негодяй, этот трус, этот... Гринев не мог подобрать слова, потому что русский язык не содержал достаточно грязных ругательств для такого подлеца.

— Ты понимаешь, Лёва? — прошептал Верховцев. — Они тронут Лизу. Мою Лизу. Я не переживу.

— Не тронут, — твёрдо сказал Гринев. — Я не позволю.

— А что ты сделаешь? Ты один. Против них. А их — целая организация. Я выяснил. Стеклов, который приходил к нам, — он исчез. Пропал. Говорят, уволен за растрату. Но я знаю, что его просто убрали. Как того студента в Москве.

Как Кузьму Ермолаева.

— Откуда ты знаешь про Ермолаева?

— Мне сказали. Вчера звонили по телефону. Голос был изменён, но слова я запомнил: «Ваш приказчик не вернётся. Скоро вы тоже исчезнете, если не будете послушны». Понимаешь? Они звонят мне домой. Они знают мой номер. Они знают всё.

Верховцев закрыл лицо руками и заплакал — тихо, по-бабьи, всхлипывая. Гринев никогда не видел его плачущим. Даже когда они на третьем курсе проиграли в карты сто рублей и должны были расплачиваться — Верховцев тогда не плакал. Он продал отцовские часы, но не заплакал.

А теперь плакал.

Гринев сел рядом, положил руку ему на плечо.

— Константин, слушай меня. У нас есть три дня. Я придумал план. Но для этого ты должен взять себя в руки. Понял? Ты должен быть сильным. Ради Лизы.

Верховцев поднял голову. В его глазах мелькнула искра — слабая, но живая.

— Какой план?

План родился не сразу. Три ночи Гринев не спал, ворочаясь на жёсткой койке, которую ему постелил Линц в своей лаборатории. Учёный, скрепя сердце, согласился приютить друга — место было тесное, пахло химикатами, кот Васька шипел на реторты, но другого выхода не было.

— Ты можешь переодеться моим помощником, — пред-

ложил Линц на второй день. — У меня есть старый халат и очки без диоптрий. Наденешь бороду — никто не узнает.

— А где я буду жить?

— Здесь. Я поставлю тебе раскладушку между сушильным шкафом и столом с пробирками. Правда, там течёт крыша, и по ночам скребутся крысы. Но ты сыщик, ты не боишься.

Гринев усмехнулся. Крыс он боялся — с детства, ещё с тех пор, как в сарае его деда в Симбирске огромная крыса прыгнула ему на лицо. Но он не признался.

Идея плана пришла утром третьего дня, когда Гринев пил чай с баранками и читал «Московские ведомости». В газете была заметка о том, как в Нижнем Новгороде мошенники обманули купца, подослав к нему фальшивого пристава. Гринев отложил газету и задумался. Подослать. Фальшивого. Почему бы и нет?

— Эдуард, — сказал он, входя в комнату, где Линц возился с какой-то зелёной жидкостью. — А что, если мы пустим слух, что я передал все улики и записку шантажиста доверенному лицу? Названому. Скажем, купцу Тучкову.

— Зачем? — не понял Линц.

— Затем, что шантажист — или его люди — захотят перехватить улики. Им нужно либо украсть их, либо уничтожить. А для этого они должны встретиться с Тучковым. И мы устроим засаду.

— А кто будет Тучковым? Настоящий? Он же старик, испугается.

— Нет. Мы наймём актёра. Или... — Гринев задумался.
— У меня есть знакомый унтер-офицер. Отставной. Звать Антип Фомич Шитов. Он служил в жандармерии, вышел в отставку после ранения. Человек надёжный, крепкий, не трус. Он сыграет купца.

— А если его убьют?

— Не убьют. Мы будем рядом.

Линц помолчал, потом сказал:

— Ты безумен, Лев. Это не план, это авантюра.

— Лучшая авантюра — та, которая приносит победу, — ответил Гринев.

На следующий день Гринев начал готовить почву.

Первым делом он написал рапорт о «тяжёлой болезни» — нервное истощение, предписание врачей, срочный отдых в Царском Селе. Рапорт приняли с заметным облегчением. Начальник сыскной полиции Барабанов даже прослезился — то ли от радости, что избавился от «гробари», то ли от огорчения, что теряет лучшего сыщика.

— Езжай, Лев Арсеньевич, — сказал он, похлопывая Гринева по плечу. — Поправляйся. А дела твои мы кому другому передадим. Найдём кому.

Гринев знал, что «кому другому» — это Меркулов, тот самый, который проводил обыск. Значит, враги уже в полиции. Он не подал виду.

Вторым делом он встретился с Антипом Фомичом Шитовым.

Шитов жил на Петроградской стороне, в крошечной комнатухе при церкви Святого Матфея, где работал сторожем. Это был коренастый мужик лет пятидесяти, с седыми усами и рубцом на лбу — след от сабельного удара в русско-турецкую войну. Он ходил с палкой, но не потому, что хроمال, а потому, что в палке был спрятан стилет — привычка, оставшаяся со службы.

— Здорово, Антип, — сказал Гринев, входя в сторожку.
— Дело есть.

— Для тебя, Лев Арсеньевич, всё что хошь, — ответил Шитов, вытирая руки о фартук. — Опять убивец какой?

— Не убивец. Игра. Ты должен сыграть роль купца. Важного, богатого. С бородой, в шубе, с пафосом.

— А стрелять можно?

— Только в крайнем случае.

— Ну, крайний — он всегда наступает, когда его не ждёшь, — философски заметил Шитов. — Я согласный.

Но план едва не рухнул на второй день подготовки из-за совершенно неожиданного обстоятельства — скандала в семействе Тучкова.

Силантий Аверьянович Тучков, узнав о затее Гринева (а тот счёл нужным посвятить купца в общих чертах, чтобы заручиться его помощью), пришёл в ярость.

— Ты что, батенька, с ума сошёл? — гремел он в своей го-

стиной, потрясая кулаками. — Моё имя — подставлять под удар? А если эти ироды узнают, что я с тобой заодно? Они же меня убьют! И семью мою порешат!

— Силантий Аверьянович, — пытался урезонить его Гринев, — никто не узнает. Мы будем действовать тайно.

— Тайно! — купец аж закашлялся от возмущения. — В полиции-то? Где у вас, как у решета, дыра на дыре? Да у вас каждый второй — стукач! А каждый третий — вор! Я не позволю!

И тут в разговор вмешалась Аграфена Петровна, супруга Тучкова — женщина властная, с лицом римского патриция и характером бульдога. Она сидела в углу, вязала шерстяной носок и до этого момента молчала. А теперь отложила спицы.

— Силантий, замолкни, — сказала она таким голосом, что купец мгновенно заткнулся. — Лев Арсеньевич, вы простите моего благоверного. Он баба, а не мужик. Тряпка. Я сама с вами пойду.

Гринев опешил.

— Как это — пойдёте?

— А так. Вместо него. Я купчиха, меня никто не заподозрит. А если что — я сама этим мерзавцам глаза выцарапаю. У меня когти, знаете ли.

И она продемонстрировала ногти — длинные, острые, покрытые красным лаком.

Тучков застонал, схватился за сердце и вышел из комна-

ты. А Гринев задумался. Идея была безумной, но в ней был свой резон. Кто заподозрит женщину? Кто станет стрелять в купчиху? И потом — Аграфена Петровна была не просто купчихой, она была дочерью екатеринбургского золотопромышленника, человека, который, по слухам, собственноручно застрелил двух грабителей, напавших на его караван. Характер передался по наследству.

— Хорошо, — сказал Гринев. — Вы пойдёте. Но вы должны делать всё, что я скажу. Без самостоятельности.

— Обижаете, Лев Арсеньевич, — усмехнулась Аграфена Петровна. — Я самостоятельность уважаю, но в театре. А здесь — дело жизни и смерти. Я понятливая.

В тот же день случилась ещё одна беда — ссора Гринева с Линцем.

Учёный был человеком нервным, склонным к ипохондрии. Запах химикатов, постоянное присутствие кота (который продолжал охотиться на лабораторных мышей и однажды разбил колбу с азотной кислотой), а главное — постоянный страх разоблачения довели его до иступления.

— Лев, я больше не могу! — закричал он в пятницу вечером, швыряя на пол ступку с пестиком. — Ты живёшь у меня уже неделю! Твои носки воняют! Твой кот сожрал второго тритона! И вообще — меня могут арестовать за укрывательство!

— Эдуард, успокойся, — сказал Гринев, хотя сам был на пределе. — Осталось два дня. Потом всё кончится.

— Не кончится! Ты сам знаешь, что не кончится! Ты влез в осиное гнездо! Эти люди не остановятся, пока ты не сгниешь в тюрьме или в могиле! Я не хочу быть твоим сообщником!

Линц выбежал из комнаты, хлопнув дверью. Гринев остался один. Он сел на раскладушку, обхватил голову руками. Мысли метались. Если Линц откажется помогать — всё пропало. Без химика, без его знаний, без его лаборатории — никакой экспертизы, никаких улик. Голый сыщик против организации.

Через час Линц вернулся. Он был бледен, но спокоен.

— Извини, — сказал он. — Я погорячился. Просто... я боюсь. Я всегда боялся. Это моё проклятие.

— Я тоже боюсь, — признался Гринев. — Но страх — не повод отступать.

Они помолчали. Потом Линц достал из шкафа бутылку коньяка — настоящего, французского, который он берёт для особых случаев — и разлил по стаканам.

— За успех, — сказал он. — И за то, чтобы мы остались живы.

— За успех, — повторил Гринев.

Параллельно с этими событиями в Петербурге разворачивалась другая, не менее драматичная история, которая имела прямое отношение к заговору.

В Смольном институте благородных девиц, куда ходила учиться дочь Верховцева Лиза, назревал скандал.

Всё началось с того, что классная дама, некая мадам Бушэ, француженка с сомнительной репутацией, вдруг начала проявлять к Лизе повышенное внимание. То вызовет к доске и держит полурока, то оставит после занятий, то напишет записочку в дортуаре. Лиза, девочка умная и чуткая, почувствовала неладное. Но что именно — понять не могла.

Однажды, разбирая постель после утренней молитвы, она нашла под подушкой конверт. В конверте была записка: «Лиза, твой отец в опасности. Если ты хочешь ему помочь, приходи сегодня в полночь в сад. Никому не говори. Скажешь — умрёшь».

Лиза похолодела. Она не была трусихой — в отца пошла характером. Но угроза смерти... Она показала записку своей ближайшей подруге, Соне Головиной. Соня, дочь сенатора, была девушкой решительной и даже отчаянной.

— Это ловушка, — сказала Соня. — Мы пойдём вместе. И возьмём с собой...

— Что?

— За сапожный нож. У отца в кабинете есть. Я умею им пользоваться.

В полночь девочки вылезли через окно уборной (замок был сломан ещё в прошлом году) и отправились в сад. Сад был тёмный, сырой, пахло прелыми листьями. Фонари не горели — институтская экономия.

В глубине сада, под старой липой, их ждал человек в чёрном плаще и цилиндре. Лицо скрывала тень.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.